

КАК СЛОВО ПОЭТА СТАЛО НАЗВАНИЕМ ГАЗЕТЫ

Бирюков С.Е.

Университет имени Мартина Лютера, Халле, Германия

ibirjukov@googlemail.com

Имя поэта Николая Глазкова было хорошо известно пишущим людям в Тамбове. Его стихи печатались в тамбовских газетах, да он и сам нередко навещался в наш город. Ездил и по области. Первоначально Глазков приехал в Тамбов к своему бывшему однокашнику по Литературному институту Никифору Ульеву, талантливому поэту, в свое время отсидевшему по какому-то нелепому обвинению, человеку добрейшей души. Никифор Иванович и свел друга-поэта с нашим выдающимся собирателем Николаем Алексеевичем Никифоровым, а также с Николаем Ладыгиным, которого Глазков называл «штангистом поэзии», поскольку Ладыгин писал палиндромические стихи. С Ладыгиным они были двойными тѣзками – оба Николаи Ивановичи, объединяла их и любовь к шахматной игре. В доме Ладыгиных часто собирались местные поэты, писатели, художники. Глазков именовал гостеприимный дом аббревиатурой ТДЛ, по аналогии с московским ЦДЛ. В Москве – это Центральный дом литераторов, а в Тамбове – Тамбовский дом Ладыгина. И поскольку Глазков был в Тамбове уже своим, то мы знали и о том, что его долго не печатали и что он делал свои машинописные сборники (они были в собрании Ладыгиных), называя этот процесс «самсебяздат», что позднее превратилось в «самиздат».

Запомнился нам Николай Глазков и знаменитым криком «Летю!!!» в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев», где он сыграл летающего мужика Ефима, прыгающего с колокольни с воздушным шаром, наполненным печным дымом. Шар не взвился в воздух, а напротив – увлек первого летчика на землю. Говорят, поэт при этом повредил ногу. Своеобразная метафора судьбы поэта: поэт ведь стремится взлететь, парить, но непросто преодолеть земное тяготение и обычное и метафорическое...

Меня с знаменитым поэтом познакомил Николай Алексеевич Никифоров. Знакомство произошло в центре Тамбова, возле главпочтамта. Мы шли навстречу друг другу. Глазков – в домашних тапочках, твидовом пиджаке, борода немного в сторону, глаз хитрый. Никифоров спрашивает меня: «Узнаешь?» Я: «Узнаю. Поэт Николай Глазков». Тут Глазков спрашивает: «А по отчеству?» Я (задумался, не смог вспомнить простое отчество): «По отчеству не помню». Глазков: «Четверка по русской литературе» (Никифоров, видимо, уже успел сказать, что я студент-филолог, пишущий стихи). Мы рассмеялись. Беседа продолжилась далее и позднее, хотя и заочно.

В 1974 году, после окончания вуза, я был призван в армию и служил в городе Горьком. В 1975 году выходит книга стихов Глазкова «Незвестные реки». В местной молодежной газете «Ленинская смена» тоже хорошо знали Глазкова, уроженца села Лысково Нижегородской губернии, поэтому обрадовались предложенной мной рецензии на книгу. Газету я переслал Глазкову, за что получил от него высокое звание «стихолоба», которое я впоследствии поддерживал новыми откликами на его книги и публикацией его стихов в газете (тамбовской молодежке).

В это же время на экраны вышел фильм Андрея Кончаловского «Романс о влюбленных» с пронзительной «Песней разлуки» Александра Градского на стихи Глазкова. Напомню эти стихи:

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,

А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,
Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песни горестной разлуки
Весной весёлой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь,
И песню скорби и печали
Весной весёлой птицы пели.

Поэт, о котором к тому времени уже сложилось впечатление как о насмешливом, склонном к стихотворной клоунаде, предстает тонким лириком. И это было его истинной сутью – многоликость, многоодаренность.

Позже, когда я уже работал в тамбовской молодежной газете «Комсомольское знамя», Глазков регулярно слал мне стихи, фотографии с подписями такого рода «Гениальный русский поэт и путешественник Н.И. Глазков в Цне купается», – в самом деле стоит по пояс в воде. Следующая фотография – начало то же, концовка – «после купания в Цне», стоит на берегу в трусах. Своего рода перформансы, но этот термин еще не был в ходу. Стихи мы охотно печатали, хотя один случай чуть было не остановил продуктивное сотрудничество поэта с нашей газетой.

Однажды я подписал в набор очередное присланное Глазковым стихотворение. Через несколько минут ко мне зашел ответсекретарь газеты и положил на стол листок со стихами: «Читай сверху вниз!». Я стал читать сверху вниз и в первых буквах каждой строки стал возникать акростих: «Дорогому Леониду Ильичу». Леонида Ильича мы знали одного – Брежнев – Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза, а стихотворение было пейзажное, про цветочки. Потом оно таинственным образом исчезло. Но мы все-таки напечатали несколько акростихов Глазкова, правда, они были посвящены, либо друзьям-поэтам, либо знакомым девушкам. Глазков был виртуозом акростиха и впоследствии, когда я занялся исследованием этой формы, конечно, обращался к творениям Николая Ивановича. Они есть в моих книгах: «Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма» (М.: Наука, 1994) и «Року укор. Поэтические начала» (М.: РГГУ, 2003).

Роднило меня с ним и то, что я видел в нем отчасти продолжателя той линии в русской поэзии, которая была начата ранним авангардом – Хлебниковым, Маяковским, Каменским, Бурлюком, Крученых. С последним Глазков дружески общался, посвящал ему стихи, а сам Алексей Елисеевич выделял младшего пиита из многих его ровесников и по футуристической привычке предсказывал ему яркое будущее. О Хлебникове Глазков исчерпывающе высказался стихами:

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

В 1979 году гениальный русский поэт и путешественник Николай Иванович Глазков окончил свой жизненный путь. И некоторое время спустя началось его второе рождение. В 1984 году выходит сборник «Автопортрет», составленный вдовой – Росиной Глазковой, в котором впервые появились стихи 30-х-40-х годов. Эта книга стала настольной у меня в моей тамбовской литературной студии «Слово». Стихи Глазкова постоянно звучали в студии.

Годы спустя один из студийцев (тогда самый юный) Женя Степанов, ставший известным поэтом, критиком, исследователем, литературным деятелем, назвал одно из своих литературных изданий глазковским словом «Поэтоград». Сбылось пророчество Николая Ивановича, высказанное им еще в 1941-м году:

Или прямо, или криво,

Или наугад

Все пути ведут не к Риму,

А в Поэтоград!